

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-169-184

УДК 14+93

«ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ» ИЛИ «ВЕЛИКИЙ МАНЕВР»: КОНЦЕПЦИЯ Н.С. ТИМАШЕВА И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СССР 1930-х гг.

Шматов Михаил Юрьевич,
*Новосибирский государственный университет,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
ORCID: 0000-0002-1736-704X
shmatov2009@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные для современной исторической науки вопросы идеологических трансформаций в сталинском СССР в течение 1930-х гг., их взаимосвязи с практиками власти и положением советского социума. Новизна исследования заключается в использовании для анализа методологии известного социолога русского зарубежья Н.С. Тимашева, в концепции которого события 1930-х гг. в СССР трактуются как «Великое отступление» И.В. Сталина и в целом большевистского режима, и от марксистско-ленинской идеологии в сторону возврата к традиционным и национальным ценностным установкам и практикам. В статье предпринята исследовательская попытка подтвердить или опровергнуть теоретические положения концепции Н.С. Тимашева эмпирическими материалами, преимущественно относящимися к истории СССР середины 1930-х гг.

Исследование охватывает изменения в повседневности сталинского социума, трансформации идеолого-пропагандистских, социально-политических и культурных приоритетов правящего режима по материалам документов советского законодательства и источникам из периодической печати СССР и других государств; особое внимание уделяется анализу транслируемых в прессе идеологических установок, направленных на массовую аудиторию. Официальный дискурс сопоставляется с объективными историческими событиями исследуемого периода, что позволяет определить предпосылки происходивших трансформаций и установить их сущность. Особая роль в исследовании отводится анализу мотивов и утилитарных целей институтов власти как основных акторов трансформаций в идеологической, экономической и социальной политике Советского государства.

Результатом исследования выступает оценка научной ценности концепции Н.С. Тимашева и ее соотношения с политической и социальной реальностью Советского Союза в 1930-х гг. Предпринята попытка предло-

жить научный термин «Великий маневр» как альтернативу определению, данному Н.С. Тимашевым. С нашей точки зрения, предложенный термин позволяет более точно охарактеризовать осуществлявшиеся или мнимые трансформации, являвшиеся во многом продуктом осознанной и контролируемой мобилизационной политики власти, а не «естественной» эволюции политического режима и подконтрольного ему социума.

Ключевые слова: Н.С. Тимашев, «Великое отступление», социальная мобилизация, идеология и пропаганда, внешняя политика, «военная тревога», национальное самосознание.

Библиографическое описание для цитирования:

Шматов М.Ю. «Великое отступление» или «Великий маневр»: концепция Н.С. Тимашева и идеологические трансформации в СССР 1930-х гг. // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 2. – С. 169–184. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-169-184.

1930-е гг. в истории СССР стали периодом окончательного утверждения в стране персоналистского политического режима, известного в научном сообществе и общественном сознании под названием «сталинизм». В течение этого десятилетия завершился «Великий перелом» в социально-экономической сфере, и высшим партийно-государственным руководством было декларировано «построение социалистического общества» в СССР, при этом население Советского Союза пережило несколько волн массовых политических репрессий и депортаций, а также голод 1932–1933 гг. Тяжелые потрясения сменялись непродолжительными периодами внешней «стабилизации» положения в стране и даже иллюзиями «демократизации», пиком которой стало принятие «самой демократической в мире» Конституции 1936 г. Неоднородной и противоречивой была в этот период и идеолого-пропагандистская составляющая политики правящего режима: наиболее заметным, хотя и никак официально не декларируемым идейным поворотом стал осуществленный в середине 1930-х гг. переход от дискурса интернационализма, мировой революции и классовой борьбы к трансляции национально-патриотических идей о единстве советского народа перед внутренними и внешними врагами и завершении «в целом» строительства социализма в СССР.

Данный переход не остался незамеченным для широких кругов интеллигенции как в СССР, так и за рубежом. Современному российскому читателю хорошо известны концепции трансформации советского коммунизма в сторону «национал-большевизма» или «национал-коммунизма», сформулированные Н.А. Бердяевым, Н.В. Устряловым и другими представителями русского зарубежья [26, с. 417–423]. При этом до сих пор остается малоизвестной историко-философская и социологическая концепция другого представителя эмигрантской науки и общественно-политической мысли – Николая

Сергеевича Тимашева (1886–1970), который тоже фиксировал изменения в идеологии и практиках большевиков, однако относился к ним академически сдержанно и без «сменовеховской» политизации [27].

Николай Сергеевич родился в семье министра торговли и промышленности Российской империи С.И. Тимашева. Будучи выходцем из государственной элиты, Н.С. Тимашев получил высшее юридическое образование, став магистром права в 1914 г. Изначальной сферой его научных интересов было уголовное право, однако революционные события в России пробудили в нем интерес к социологическому измерению права, политических режимов и государственной политики вообще. В 1921 г. Н.С. Тимашев эмигрировал, после чего жил и преподавал в Финляндии, Германии, Чехословакии, Франции, пока в 1936 г. по приглашению П. Сорокина не переехал в США.

Перу Тимашева принадлежит ряд исследований в области советской правовой системы, религии в СССР и советского конституционализма [27, 29], однако одной из крупнейших и наиболее фундаментальных его работ является изданный в США в 1946 г. труд «Великое отступление» (The Great Retreat). В этой книге подробно рассматривается вопрос о месте России среди европейских стран, после чего автор приходит к мнению, что Россия – часть Европы, и ее ждет демократическое, а не тоталитарное будущее [18]. Интерес историков-советологов к данной работе представляет концепция Н.С. Тимашева о том, что И.В. Сталин выступил «могильщиком коммунизма» в СССР, причем процесс полного отхода от «коммунистического эксперимента» в России начался еще в 1934 г. [30, р. 30–33]. Свои тезисы Николай Сергеевич подтверждает многочисленными эмпирическими примерами, сравнивая образ жизни, социально-психологическую ситуацию и идеологический дискурс в СССР в начале 1930-х гг. с ситуацией 1940 г. Авторская аргументация достаточно убедительна и может быть подтверждена в ходе анализа исторических источников (более подробно речь об этом пойдет далее), однако касается она в основном трансформаций идеологической сферы жизни в СССР. При этом вполне очевидна фальсификационная и мобилизационная функции советской идеологии [3, с. 11–18], имевшей мало общего не только с реальным положением вещей в стране, но и с действительным (почти никогда прямо не декларируемым) курсом высшего партийно-государственного руководства во главе с И.В. Сталиным. Следовательно, существует потребность в сопоставлении политических практик сталинского режима с прямо или косвенно декларируемыми им идеями, на которые и обратил внимание ученый в своем труде; это сопоставление – цель настоящего исследования. В рамках достижения цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать сформулированные Н.С. Тимашевым положения на пред-

мет их соответствия реальной ситуации в СССР в 1930-е гг.; во-вторых, установить сущность и политические функции идейных, экономических и иных трансформаций, якобы имевших место в официальном политическом дискурсе и реальных практиках сталинизма.

Следует отметить, что определенные «сдвиги» в политике большевиков в 1934–1935 гг. отмечали не только современники, но и ряд отечественных и зарубежных исследователей, правда, оценивали они их по-разному: от осуждения «отказа» от марксистских догм до решения о поддержке режима, якобы начавшего реализацию национальных интересов¹. «Нормализацию» и даже определенное улучшение качества жизни в СССР в середине десятилетия отмечали некоторые западные историки-«ревизионисты», например Ш. Фицпатрик [23, с. 110–130]; о серьезных колебаниях политического курса писали российский историк политической системы СССР при И.В. Сталине О.В. Хлевнюк [24, с. 26], социальный историк Е.А. Осокина [12], канадский исследователь национальной политики большевиков Т. Мартин [28, р. 167–169] и др. Трансформациям в идеологической политике сталинского режима в 1930-х гг. посвящены несколько работ американского историка Д. Бранденбергера [1, с. 11–18], рассматривавшего их как способ формирования свойственной эпохе модерна национальной идентичности советского народа, но на базе русского историко-культурного наследия [2].

Попробуем осуществить опыт научного рассмотрения теоретических положений Н.С. Тимашева с привлечением специфического корпуса источников: в первую очередь это официальные законодательные и идеолого-пропагандистские (публицистические) материалы, опубликованные в советской периодической печати, а также в отдельных государственных изданиях. Несмотря на их тотальную политическую ангажированность, они служат ценным ресурсом для определения идейных установок власти (главного и единственного носителя официальной точки зрения) в разные годы интересующего нас хронологического периода. Кроме того, проведен анализ опубликованных в периодической печати материалов научного, художественного, новостного и рекламного характера, напрямую иллюстрирующих ряд положений труда Н.С. Тимашева.

«Фасад» советского социума: повседневность и ее образы

Характеризуя «Великое отступление» И.В. Сталина и большевиков вообще от базовых идей коммунизма в 1934 году, автор в первую очередь обращает внимание на изменения в образе жизни советских граждан: исчезновение продовольственных карточек (они были отменены в 1935 г.) [23,

¹ Если эмигрант Н.В. Устрялов принял решение вернуться в «изменившийся» Советский Союз, за что поплатился жизнью, то советский литератор В.И. Блюм в письме к И.В. Сталину в 1939 г. прямо осуждал переход к патриотизму, видя в нем «все черты расового национализма».

с. 111], возрастание значимости денег в системе экономических отношений, на появление на улицах «мужчин в накрахмаленных воротничках» и женщин, «пытающихся копировать парижскую моду» [30, р. 412]. Делается акцент и на изобилии товаров народного потребления – от продуктов до одежды и бытовой техники в советских магазинах, на формировании целой индустрии развлечений – от кинотеатров до танцевальных вечеров и парков аттракционов [30, р. 413].

С этим сложно поспорить: Шейла Фицпатрик посвятила анализу изменений в образе жизни советских людей и в их системе ценностей и приоритетов целую главу своей книги «Повседневный сталинизм» под названием «Скатерть-самобранка» [23, с. 110–137]. Немецкий историк Карл Шлёгель реконструировал образ Москвы «как витрины социалистических достижений» [26, с. 394–395]. Анализ советской и зарубежной прессы того времени подтверждает резкий поворот в идеологическом дискурсе от пропаганды социалистического аскетизма к прославлению зажиточного и высококультурного образа жизни (наиболее ярко этот поворот демонстрирует широчайше распространенная в СССР фраза И.В. Сталина, прозвучавшая в 1935 г.: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее!» [23, с. 110]). Активно действовала инициированная А.И. Микояном пропаганда производства и потребления в СССР сосисок, газированной воды, мороженого и других блюд [9, с. 60, 80], казавшихся в еще недавние голодные годы экзотикой. В провинциальной советской прессе 1936–1937 гг. публиковались письма недовольных потребителей в редакцию, содержащие жалобы на недостаточный ассортимент колбасных изделий и одежды в сельских и городских магазинах [14]. Распространялись материалы с призывами обеспечить комфортабельные условия проживания в гостиницах (включая сельские) [18], сделать вагоны железнодорожного транспорта более удобными [16] или улучшить условия отдыха и развлечений детей в пионерских лагерях [13].

С середины 1930-х гг. возросло число публикаций в прессе о спортивных мероприятиях [10], спектаклях в театрах и новых художественных фильмах: если в газетах начала 1930-х гг. культурной и спортивной жизни были посвящены лишь немногочисленные заметки в конце издания, то впоследствии ситуация существенно изменилась. Н.С. Тимашев писал, что «вдумчивый читатель мог насладиться хорошей статьей о спорте, искусстве, науке и технике» [18], и это действительно так: в выпуске газеты «Советская Сибирь», посвященном публикации проекта Конституции СССР, была опубликована критическая статья о новом художественном фильме «Цирк» [6]; широкое распространение получили публикации критических отзывов о прошедших в театрах спектаклях [25], а целый цикл научных статей и новостных заметок в той же «Советской Сибири» был посвящен солнечному затмению и его изучению [20]. Иностранная пресса, в частности *Baltimore Sun*, отмеча-

ла резкий рост числа ресторанов, музыкальных коллективов и «богемных» мероприятий в Москве: «Красная Москва становится розовой» [23, с. 114], – отмечал корреспондент указанного американского издания. Таким образом, Николай Тимашев совершенно точно фиксирует внешние изменения, произошедшие в середине 1930-х гг. в повседневной жизни советских граждан, и их отображение в средствах массовой информации.

Однако следует отметить именно декларативный, идеологически ориентированный характер вышеупомянутых изменений. Исследователи отмечают, что нормализация положения в социально-экономической сфере была временной и весьма поверхностной (лишь в сравнении с катастрофой 1932–1933 гг.), а официальная пропаганда использовала дискурс «изобилия» и «веселой жизни» для демонстрации достижений социализма в годы пятилеток, а отнюдь не для констатации реального положения вещей, где на рубеже 1936–1937 гг. обозначилась угроза нового массового голода, а абсолютное большинство товаров и услуг оставались дефицитом для подавляющего большинства населения СССР, исключая лишь «привилегированную» номенклатуру [26, с. 403–406]. Видится, что Н.С. Тимашев не вполне отчетливо понимал двойственный характер изменений, что объясняется ограниченностью доступа к источникам и работой советской пропаганды, призванной демонстрировать гостям СССР и иностранной общественности «достижения социализма». В то же время методология исследователя подразумевает рассмотрение изменений *во всех* группах социума – качество жизни большинства населения СССР существенно не возросло.

«Великое отступление»: перед народом или перед «военной тревогой»?

Особое внимание Н.С. Тимашев уделяет смене идеологических ориентиров: он пишет о переходе от интернационализма и от идеи принесения России в жертву «мировой революции» к национально-патриотическим установкам, о частичной реабилитации дореволюционных традиций и имен выдающихся исторических деятелей старой России [30, Chapter XII]. В чисто дискурсивном отношении с этим тезисом опять-таки сложно поспорить. Так, в интервью американскому журналисту Рою Говарду 5 марта 1936 г. И.В. Сталин, отвечая на вопрос интервьюера о том, отказался ли СССР от планов мировой революции, заявил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было. <...> Утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, – это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедовали» [21]. Совершенно справедливо Н.С. Тимашев отмечает и упадок роли Коммунистического Интернационала в политической системе СССР, особенно после Большого террора 1937–1938 гг. [17, с. 679–685]. Подтверждается и тезис Н.С. Тимашева об от-

ходе от половой разнужданности эпохи «Коммунистического эксперимента» и выборе власти в пользу традиционных ценностей «образцовой советской семьи». Со второй половины 1930-х гг. пресса пестрит статьями в рамках кампании по поддержке запретов аборт [23, с. 112]; охрана материнства и детства стала одной из ключевых тем в ходе обсуждения проекта Конституции СССР летом-осенью 1936 г. [5, л. 144]. Возвратилась и стратификация советского общества на основании совсем не коммунистической реставрации воинских званий, рангов и титулов: стахановское движение, военные, научные и политические заслуги возводили многих советских граждан в ранг «лучших людей» – орденосцев и лауреатов государственных премий²; с «уравниловкой» как будто было покончено.

Находит подтверждение и тезис о «реабилитации прошлого». Один из немногих официальных документов, подтверждающих смену идеологического курса, был принят именно в исторической сфере и именно в 1934 г., названном Тимашевым годом «Великого отступления»: 14 мая 1934 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школе», возвращавшее историю в ранг обязательных школьных дисциплин вместо марксистского «Обществоведения». Вплоть до начала Великой Отечественной войны принимался комплекс мер по созданию корпуса учебников по истории для общеобразовательной и высшей школы, при его реализации остро встал вопрос сочетания теории «классовой борьбы» с патриотическими идеями [8, с. 90–92]. На этом фоне в 1936 г. была официально осуждена ранее доминировавшая историческая школа М.Н. Покровского, представители которой негативно оценивали всю дореволюционную историю России [Там же, с. 93]. В официозном «Политическом словаре» 1940 г. издания в качестве «выдающихся русских полководцев» фигурируют Александр Невский, К. Минин и Д. Пожарский, А.В. Суворов и другие, обширная статья посвящена советскому патриотизму [15, с. 19, 346–347, 410, 553–554]. Массовой популяризации во второй половине 1930-х гг. подверглось и творчество ряда русских писателей и поэтов: В.Г. Белинского [22], А.С. Пушкина, столетие со дня смерти которого в 1937 г. широко отметили в Москве и других городах СССР [26, 188–192], М.Ю. Лермонтова³, в чем Д. Бранденбергер усматривает инструмент формирования образов «национальных героев» [2, с. 10–18].

Однако данная «реабилитация» носила частичный и идеологически мотивированный характер и, в сущности, была частью идеологических и мобилизационных практик советского руководства. В официальных биографических справках об Александре Невском подчеркивалась его борь-

² Один из многочисленных примеров – риторика Постановления ЦИК СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной Армии» от 4 июля 1937 г.

³ В начале 1940-х гг. состоялась экранизация его произведения «Маскарад».

ба с немцами [15, с. 19], об А.В. Суворове писали, что он был противником прусских порядков в армии, за что и поплатился карьерой [Там же, с. 554]. Таким образом, исторические факты оказывались «на службе» у государственной идеологии, готовившей советских граждан к «большой войне», поэтому не случайно визуальное сходство рыцарей в фильме С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» с солдатами вермахта [19, с. 97]. Об А.С. Пушкине и других дореволюционных литераторах было принято говорить как о мыслителях, предвосхитивших В.И. Ленина и его учение. На этот факт обратил внимание и сам Н.С. Тимашев: «Власти полагали, если ассоциативно связать имена Пушкина и Ленина, народные симпатии с Пушкина перейдут на Ленина» [18].

Процесс «реабилитации» тем не менее встретил немало затруднений на своем пути. Вдобавок к уже упомянутому идейному противоречию при создании учебников истории следует отметить нерешенность вопроса об исторической роли Петра I: в беседе с немецким литератором Э. Людвигом в 1931 г. (т. е. еще до «Великого отступления») И.В. Сталин отказался проводить историческую параллель между Лениным и Петром I, назвав последнего «каплей в море» [21]. Цитата из этого интервью была включена в Политический словарь 1940 г., в котором общая картина правления Петра I дана в положительных тонах [15, с. 421], что сразу же обнаруживает идейную нестыковку. Тезис Н.С. Тимашева о смягчении в 1930-е гг. по отношению к религии и церкви («Теперь время от времени можно было увидеть людей внутри или рядом с церковным зданием» [29, р. 435]) не находит подтверждения: коренные изменения в отношении к Русской Православной Церкви в СССР произошли лишь в годы Великой Отечественной войны. В период же «Большого террора», несмотря на декларируемую в Конституции свободу совести, в масштабах СССР была проведена кампания по ликвидации церквей и преследованию священнослужителей и церковнослужителей [11, с. 333–335].

Говоря об истоках «Великого отступления», Н.С. Тимашев достаточно определенно выделяет внутренние и внешние его предпосылки, связанные с неудачами в проведении коллективизации, выполнении Первого пятилетнего плана и реализации внешнеполитического курса на борьбу с «социал-предателями» (т. е. с западными социал-демократами). Автор считает, что на рубеже 1933–1934 гг. в связи с острейшей социальной напряженностью в деревне и городе, ростом недовольства политикой большевиков и возникновением прямой военной угрозы на Востоке (японская оккупация Маньчжурии в 1931–1932 гг.) и Западе (приход нацистов к власти в Германии) советскому руководству потребовалось изменить систему, ранее прочно базировавшуюся на т.н. «Доктрине» [30]. Отмечает автор и возможные субъективные причины идейных трансформаций: разочаро-

вание большевиков в идее мировой революции и их неприятие трансляции «Доктрины» на национальную культуру [30, р. 430–439]. Неэффективность коммунистической «Доктрины» 1920-х гг., о которой пишет Н.С. Тимашев, подтверждается в недавнем исследовании О.В. Великановой, посвященном социальному восприятию «военных тревог» 1920-х гг. Анализ, проведенный автором, подтверждает слабость коммунистического дискурса для решения задач социальной мобилизации против внешнего врага в связи с интернационализмом и «наднациональностью» марксистских догм [3, с. 105–117]. На этой же позиции стоит и Д. Бранденбергер, заявляя о кризисе агитпропа 1920-х гг. и изучая его изменения в течение периода, совпадающего с «Великим отступлением» [1]. Американский историк справедливо отмечает «триумфальное шествие» идей советского патриотизма и их быстрое утверждение в массах как понятное гражданам и отвечающее интересам власти и социальным ожиданиям [Там же, с. 104–126].

Совершенно справедливым видится утверждение Тимашева о вынужденном характере произошедших изменений: большевики неоднократно меняли свои программные установки, когда вставал вопрос о сохранности их власти. Некоторые исследователи полагают, что власть была основной и единственной ценностью режима, а выдвигаемые на разных этапах политической борьбы идеи были лишь инструментом политических практик [4, с. 193–216]. Однако серьезные вопросы вызывает характеристика «Великого Отступления» как «уступок» со стороны советской власти и уж тем более как «частичной победы нации над безответственной диктатурой» [30, р. 424]. Несмотря на явный социально-экономический и духовный кризис рубежа 1920–1930-х гг. в СССР, речи о политическом кризисе, вероятнее всего, не шло. Ситуация в стране к 1934 г. не идет ни в какое сравнение с положением в Советской России в 1921 г.: несмотря на достаточно массовые крестьянские выступления против коллективизации, получившие в исследовательской литературе название «квази-гражданской войны» [7, с. 29–30], такой угрозы для режима, какую за 10 лет до этого создало Кронштадтское восстание вкупе с крестьянскими волнениями, в начале 1930-х гг. не было. Напротив, в ходе «Великого перелома» сформировался режим диктатуры И.В. Сталина, не только подавившего внутрипартийные оппозиции, но и поставившего под свой контроль Политбюро и его членов. В 1934 г. Сталин и его соратники вступили политическими победителями, но ситуация в стране требовала решительных шагов по успокоению общества и нормализации функционирования хозяйства [24, с. 80].

Безусловно, внешнеполитическая ситуация требовала поиска союзников среди демократий Западной Европы (в первую очередь Франции – традиционного оппонента Германии; альянс с достаточно сильной по тем временам Польшей оказался невозможен в виду ее Пакта о ненападении

нии с Гитлером). Потребность в воссоздании дореволюционных традиций средней и высшей школы для подготовки квалифицированных специалистов для нужд индустриализации также была насущной необходимостью для большевиков. Важна была и национальная консолидация. Как верно заметил Н.С. Тимашев, нужно было сделать так, «чтобы русскому человеку было за что сражаться» [2, 29]. Однако военная и внешнеполитическая потребность в смене дискурса проявилась в СССР не в 1934 г., а в 1927-м – в период «военной тревоги», во многом спровоцированной самим руководством страны, но продемонстрировавшей тревожные для него результаты: в случае реальной военной угрозы далеко не всё советское население, столкнувшееся с тяжелыми внутренними проблемами, готово было защищать власть [3, с. 63–73].

Вопрос же о пользе таких трансформаций для интересов народа СССР остается дискуссионным: с одной стороны, по словам той же О.В. Великановой, в конце 1920-х гг. реальных внешних угроз для СССР не наблюдалось; с другой – к моменту возникновения таких угроз во второй половине 1930-х гг. граждане вполне позитивно отнеслись к «национальному повороту» в идеологическом дискурсе, что, по мнению как самого Н. Тимашева, так и Д. Бранденбергера, обеспечило подлинную национальную мобилизацию в момент, когда она действительно понадобилась – в годы Великой Отечественной войны, что позволило и большевикам, и народу СССР избежать «Второго Брест-Литовска» (т. е. негативного влияния «Доктрины») [27, с. 140].

В чьих интересах? О применимости термина «Великое отступление» и возможных альтернативах

Но вышесказанное не свидетельствует о «победе нации» или «поражении диктатуры». Сам Н.С. Тимашев совершенно справедливо пишет о том, что никакой революции или смены власти в СССР в 1930-е гг. не произошло, декларированные свободы остались на бумаге, положение колхозников и рабочих существенно не улучшилось, а принятие Конституции было лишь «игрой в демократию, которую мог позволить себе режим». Весь процесс «Отступления» осуществлялся властью и полностью ею контролировался. Само «Отступление» было выгодно в первую очередь власти, продолжавшей практиковать различные формы социальных мобилизаций населения; сами граждане по отдельности, их группы и вся «нация» в целом не имели в этом процессе субъектности, а выступали лишь объектом политики партийно-государственной верхушки (при этом не так важно, изменилась ли эта политика, и если да, то насколько). К тому же совершенно справедливым видится утверждение Д. Бранденбергера о том, что процесс складывания национального самосознания в СССР не завершился

в 1930–1940-х гг., следовательно, речи о советской нации как о носителе определенных интересов не идет [2, с. 57–60]. Ярким внешним подтверждением этому является «Большой террор» 1937–1938 гг.: власть прибегала к массовым репрессиям в кризисных ситуациях как в начале десятилетия, так и в его конце – в этом смысле никаких изменений «Великое отступление» не принесло. При этом в 1939 г. началось, говоря языком Н.С. Тимашева, новое «отступление»: волна освобождений ранее арестованных граждан, смягчение по отношению к религии и др. Причем судить об «отступлении» можно лишь в сравнении с периодом «наступления», когда положение было еще тяжелее: реально же нормализация в социально-экономической, культурной и политической сферах в течение сталинского правления не наступала никогда – коренных реформ ни в одной из сфер не проводилось, а идеологические трансформации осуществлялись режимом в его интересах, его средствами и во многом за счет самого населения.

Таким образом, речь, скорее, идет не о «Великом отступлении», а о «Великом маневре» 1934 г. – «маневр» этот в истории большевизма был не первым (вспомним переход к нэпу) и далеко не последним (яркий пример – XX съезд КПСС в 1956 г.). Ситуацию же Великой Отечественной войны следует рассматривать скорее как исторически сложившееся совпадение охранительных интересов сталинского режима и жизненных интересов советского народа, соответственно – сохранение власти и спасение своих жизней, Родины и национально-культурной идентичности. Тезис о том, что идейное (и тем более институциональное) единение большевизма с гражданами СССР произошло до войны и в результате «Великого отступления», остался открытым, не подтвержденным эмпирикой. Следует отметить и несоответствие базового тезиса концепции Н.С. Тимашева о «праве» и «религии» как основополагающих показателях уровня государственного развития и «социального здоровья»: говорить о выборе сталинского режима в пользу религии и тем более права на фоне нескольких волн репрессий 1930-х гг. невозможно, что свидетельствует о противоречивости самого понятия «отступление» применительно к рассматриваемой эпохе: «отступление» не только не было последовательным, но и не являлось (даже и в понимании самого Н.С. Тимашева) цельным и непротиворечивым процессом [27, с. 141].

Итак, необходимо отметить научную ценность концепции Н.С. Тимашева с точки зрения изучения истории советской идеологии. Автор оригинально и достаточно убедительно связал идейный поворот с решением властью вставших перед ней проблем, казавшихся тупиковыми при сохранении прежней доктрины. Однако значение «Великого отступления» для социально-экономической и тем более политической истории СССР не следует переоценивать: выходя из кризисных ситуаций, режим тем не менее не подвергался принципиальным трансформациям. Более того,

кажущееся смягчение «генеральной линии» на деле сопровождалось укреплением сталинского режима, что в конечном итоге породило оксюморон «террора и демократии» 1936–1938 гг., до сих пор ставящий научное сообщество и общественность в ментальный тупик. Так называемое «Великое отступление» предстает лишь одной из форм использования государством эпохи модерна имеющегося в его распоряжении комплекса экономических, идеологических, культурных и социально-психологических средств для формирования мировоззрения граждан, отвечающего политическим интересам власти, создавая при этом образ ее единения с интересами еще только формирующейся политической нации. С этой целью власть сознательно прибегала к эксплуатации некоторых традиционных образов и практик, более близких широким массам, нежели марксистские доктрины модерна. Версия автора концепции «Отступления» о сознательном отказе И.В. Сталина от коммунизма является тем не менее оригинальным вариантом восприятия ученым и современником реальных практик большевиков в СССР.

Литература

1. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 367 с.
2. *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). – СПб.: Академический проект: Изд-во ДНК, 2009. – 416 с.
3. *Великанова О.В.* Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 295 с.
4. *Гетти А.* Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 374 с.
5. Директивные документы профсоюзных организаций по проведению кампании «всенародного обсуждения» Конституции // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. Р-627. – Оп. 1. – Д. 1208.
6. Кино «Цирк» // Советская Сибирь. – 1936. – 13 июня (№ 135 (4995)).
7. *Красильников С.А.* Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 2003. – 288 с.
8. *Кузнецов П.С.* История исторической науки в России с 1917 г. до наших дней: учебное пособие для бакалавров. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2017. – 185 с.
9. *Миколян А.И.* Пищевая индустрия Советского Союза. – М.: Партиздат, 1936. – 213 с.
10. Некультурная игра [статья-обзор футбольного матча] // Советская Сибирь. – 1936. – 11 июня (№ 133 (4993)).
11. *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.

12. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 351 с.
13. Позаботимся о веселом, здоровом отдыхе детей // Советская Сибирь. – 1936. – 12 июня (№ 134 (4994)).
14. Покупатель недоволен // Советская Сибирь. – 1936. – 11 июня (№ 133 (4993)).
15. Политический словарь. – М.: Госполитиздат, 1940. – 673 с.
16. Постановление бюро Западносибирского крайкома ВКП(б) О всесоюзном конкурсе на лучшую ж/д станцию. 11 мая 1934 г.
17. *Рейман М.* Рождение державы: история Советского Союза с 1917 по 1945 год. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 839 с.
18. Сельская гостиница // Советская Сибирь. – 1936. – 11 июня (№ 133 (4993)).
19. *Соболева Н.В.* Год рождения – тысяча девятьсот двадцать третий... – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. – 504 с.
20. Солнечное затмение // Советская Сибирь. – 1937. – 12 июня. – № 134 (5298).
21. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13, 14 [Электронный ресурс]. – М.: Госполитиздат, 1951. – URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/cont_13.htm (дата обращения: 02.08.2018).
22. Сто двадцать пять лет со дня рождения В.Г. Белинского // Советская Сибирь. – 1936. – 12 июня (№ 134 (4994)).
23. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
24. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 129 с.
25. Хороший спектакль «Слава» в театре «Красный факел» // Советская Сибирь. – 1936. – 11 июля (№ 133 (4993)).
26. *Шлёгель К.* Террор и мечта. Москва 1937. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 742 с.
27. *Шелкин А.Г.* Николай Тимашев – о перспективах завершения советского периода // История социологии. – 2010. – № 1. – С. 37–41.
28. *Martin T.* The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca; London: Cornell University press, 2001. – 855 p.
29. *Timasheff N.* Religion in Soviet Russia, 1917–1942. – New York: Sheed & Ward, 1942. – 171 p.
30. *Timasheff N.* The Great retreat: the growth and decline of communism in Russia. – New York: Dutton, 1946. – 470 p.

Статья поступила в редакцию 13.02.2018 г.

Статья прошла рецензирование 22.03.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-169-184

**“THE GREAT RETREAT”
OR “THE GREAT MANEUVER”:
N. TIMASHEFF’S CONCEPT AND IDEOLOGICAL
CHANGES IN THE USSR OF THE 1930s**

Shmatov Mikhail,

Novosibirsk State University,

1, Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1736-704X

shmatov2009@yandex.ru

Abstract

The article deals with problems of ideological, cultural and social transformations in the USSR during the 1930s. The main purpose of the research is to show how historians can use the concept of a famous Russian and American sociologist N. Timasheff to study Bolsheviks’ policy in the period when Stalin’s regime had already been approved. The author tries to verify some Timasheff’s positions using Soviet and foreign empiric materials of that age.

First of all, there is a detailed overview of Soviet everyday-life and analysis of changes in this sphere during the 1930s. Secondly, the author tries to find and explain the reasons of those transformations in Soviet official documents and in discourse of the authorities, media and culture. As a result, the author shows that all processes of “reforms” were under total control of the Centre.

The article gives a review of the situation inside the country and in the Soviet foreign policy. The author comes to the conclusion that “the threats of war” and the crisis in ideological sphere made Stalin and his regime drive to some changes in the official ideology, not in the real policy. The author disagrees with N. Timasheff, who said that the reforms were the part of the “national process”, but all changes were only in the interests of the authorities and the process of Soviet nation-building was not completed. However, the scientific value of Timasheff’s concept of “the Great Retreat” is recognized.

The main result of the research is the idea of a new term to explain Stalin’s policy in the 1930s: “the Great Maneuver”. According to the author it gives a better understanding of the nature of visual changes in the country and its social and cultural life.

Keywords: N. Timasheff, “the Great Retreat”, social mobilizations, Soviet ideology and propaganda, foreign policy of the USSR, a threat of war, national identity.

Bibliographic description for citation:

Shmatov M. “The Great Retreat” or “the Great Maneuver”: N. Timasheff’s concept and ideological changes in the USSR of the 1930s. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 2, pp. 169–184. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-169-184.

References

1. Brandenberger D. *Propaganda state in crisis. Soviet Ideology, indoctrination and terror under Stalin, 1927–1941*. London, Yelle University Press, 2011 (Russ. ed.: Brandenberger D. *Krisis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941*. Moscow, Politicheskaya entsiklopedia Publ., 2017. 367 p.).
2. Brandenberger D. *National Bolshevism. Stalinist mass culture and the foundation of modern Russian national identity, 1931–1956*. London, Press Cambridge, 2002 (Russ. ed.: Brandenberger D. *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)*. St. Petersburg, DNK Publ., 2009. 416 p.).
3. Velikanova O. *Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s. Disenchantment of the dreamers*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, UK, 2013 (Russ. ed.: Velikanova O.V. *Razocharovannyye mechtateli: sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* Moscow. Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 295 p.).
4. Getti A. *Practicing Stalinism. Bolsheviks, boyars and the persistence of tradition*. London, New Heaven, 2013 (Russ. ed.: Getti A. *Praktika stalinizma: bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 374 p.).
5. Documents of Siberian professional organizations with information about Constitutional campaign // *Gosudarstvenniy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) State Archive of Novosibirsk region*. F. R. – 627. Inv. 1. Doc. 1208.
6. Kino "Tsirk" ["Circus" movie]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 135 (4995).
7. Krasil'nikov S.A. *Serp i molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 288 p.
8. Kuznetsov I.S. *Istoriya istoricheskoi nauki v Rossii s 1917 g. do nashikh dnei* [History of historical science in Russia]. Novosibirsk, NSU Publ., 2017. 185 p.
9. Mikoyan A.I. *Pishchevaya industriya Sovetskogo Soyuza* [Food industry of USSR]. Moscow, Partizdat Publ., 1936. 213 p.
10. Nekul'turnaya igra [Rude play]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 133 (4993).
11. Odintsov M.I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma, 1917–1953 gg.* [Russian Orthodox Church during Stalin's age]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 424 p.
12. Osokina E.A. *Za fasadom "stalinskogo izobilija": raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927–1941* [Behind the facade of Stalin's plenty]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 351 p.
13. *Pozabotimsya o veselom, zdorovom otdyke detei* [Let's care of our children's rest!]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 134 (4994).
14. Pokupatel' nedovolen [The customer is dissatisfied]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 133 (4993).
15. *Politicheskii slonar'* [The political dictionary]. Moscow, Gospolitizdat Publ, 1940. 673 p.

16. *Postanovlenie byuro Zapadnosibirskogo kraikoma VKP(b) O vsesoyuznom konkurse na luchshuyu z/h/d stantsiyu*. 11 maya 1934 g. [Regional law about the Best Rail Station Competition].
17. Reiman M. *Zrod Velmoci. 1917–1945*. Praha, Karolinum, 2013 (Russ. ed.: Reiman M. *Rozhdenie derzhavy: istoriya Sovetskogo Soyuzs s 1917 po 1945 god*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 839 p.).
18. Sel'skaya gostinitsa [Hotel in village]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 133 (4993).
19. Soboleva N.V. *God rozhdeniya – tysyacha deyat'sot dvadtsat' tretii...* [The year of birth – 1923]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2016. 504 p.
20. Solnechnoe zatmenie [Solar eclipse]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1937, no. 134 (5298).
21. Stalin I.V. *Sochinenia*. T. 13, 14 [Works. Vol. 13, 14]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1951. Available at: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/cont_13.htm (accessed 02.08.2018).
22. Sto dvadtsat' pyat' let so dnya rozhdeniya V.G. Belinskogo [125 years after V.G. Belinskiy's birth]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 134 (4994).
23. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, Oxford University Press, 1999 (Russ. ed.: Fitzpatrik Sh. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p.).
24. Khlevnyuk O.V. *Khoz'yain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [The Owner. Stalin...]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 129 p.
25. Khoroshii spektakl' "Slava" v teatre "Krasnyi Fakel" [Good play "Glory" in the theater "Krasniy Fakel"]. *Sovetskaya Sibir' – The Soviet Siberia*, 1936, no. 133 (4993).
26. Schlogel K. *Terror und Traum Moskau 1937*. Carl Hanser Verlag, 2008 (Russ. ed.: Shlegel' K. *Terror i mehta. Moskva 1937*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 742 p.).
27. Shchelkin A.G. Nikolai Timashev – o perspektivakh zaversheniya sovetkogo perioda [N. Timashev – about perspectives of the final of Soviet period]. *Istoriya sotsiologii – The History of Social Studies*, 2010, no. 1, pp. 37–41.
28. Martin T. *The Affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, London, Cornell University press, 2001. 855 p.
29. Timashev N. *Religion in Soviet Russia, 1917–1942*. New York, Sheed & Ward, 1942. 171 p.
30. Timashev N. *The Great retreat: the growth and decline of communism in Russia*. New York, Dutton, 1946. 470 p.

The article was received on 13.02.2018.

The article was reviewed on 22.03.2018.